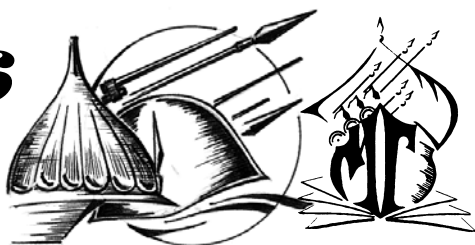

Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2021

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Станислав ЗОТОВ. Дар предвидения	3
Владимир ЮДИН. «Я не первый, я единственный!»	140
Игорь КАРПОВ. «Сталинград на Дону»	153
Валентин КАТАСОНОВ. Открытый заговор	184
Роман ИЛЮЩЕНКО. Такое вот кино	190

ПРОЗА

Юрий ВИСЬКИН. Ошибка Мойры. Роман	15
Татьяна ГРИБАНОВА. Серафима. Рассказ	159
Андрей ФРОЛОВ. Короткие рассказы	196
Надежда КНЯЗЕВА. Предновогодье в деревне. Рассказ	208

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. После пожара. Стихи	132
Владимир СИЛКИН. Вечные незабудки. Стихи	171
Ирина УШАКОВА. Память о доме. Стихи	179
Александр ЛИСНЯК. Отражённый свет. Стихи	214
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. Средь полей и облаков. Стихи	221
Стихи поэтов Приднестровья. Предисловие Алексея Полуботы	241

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ПЕРЕРЫВ НА ОБЕД

Мама сегодня приготовила лапшу. Она называет её «своей». В тарелке аппетитно топорщатся куриные крылышки, желтоватый прозрачный бульон духовит, в кружочках жира, как в спасательных кругах, плавают листики петрушки. А запах!..

Я часто обедаю у родителей, потому что работаю в двенадцати минутах езды на трамвае от их дома. Работа у меня не то чтобы суматошная, но непредсказуемая, и приезжать на обед к родителям каждый день не получается. Мама беспокоится, даже обижается, когда я не появляюсь несколько дней.

Мы сидим на кухне у большого окна. Мама, привалившись спиной к беспокойно журчащему АГВ, смотрит, как я ем, и с тревогой спрашивает:

— Вкусная лапшичка?

Тут надо обязательно похвалить её стряпню. Впрочем, кривить душой не приходится — угощение у мамы всегда на высоте.

В доме тихо и тепло. С улицы носом в стекло тычется дворовый пёс

ПРОЗА

Мишка. Рыжая мордашка с умными глазами приветливо-просительна. Мама, улыбаясь, грозит ему пальцем. Это самое страшное наказание для пса. Он хмурится, прыгивает с завалинки и, поджав мохнатый хвост, трусит в свою конуру.

Мишка — пёс чрезвычайно обидчивый. Когда, ещё в подростковом возрасте, его пытались посадить на цепь, щенок просто обиделся на весь мир. Неделию он отвергал самую вкусную еду и отказывался от любого общения. Отец, выдерживая характер, нипочём не хотел возвращать ему свободу. И только после того, как в гости к бабушке с дедушкой пришла моя дочка и со слезами в глазах заявила: «Вы лишаете ребёнка детства!», Мишка был амнистирован и освобождён уже пожизненно.

Отец лежит на диване в комнате напротив кухни. Послеобеденный отдых с кроссвордом у него называется на детсадовский манер — «тихий час».

Отец у меня большой придумщик. Неинтересно ему жить, что-то делать, как все. К любой работе он подходит творчески, но не усложняя её всякими ненужными измыслами, а рационально упрощая, механизуя процесс. Всю жизнь отец работал слесарем и, мне кажется, умеет всё. Когда пришла пора выходить на пенсию, то писать копию его трудовой книжки посадили меня — почерк, дескать, красивше. Как я был горд, аккуратно перенося на тетрадный лист сведения о поощрениях: за рационализаторское предложение, за изобретение, за внедрение!.. И опять, и снова. Венчалось всё это медалью «За доблестный труд». В трудовой книжке имелось несколько многостраничных вкладышей — вместить все отцовские достижения она просто не могла. Покажите мне ещё слесаря с такой трудовой книжкой!

Мама всё беспокоится:

— Крутовато я лапшу замесила — не смогла раскатать как следует...

Отец, не отрываясь от кроссворда, то ли в шутку, то ли всерьёз говорит:

— Всё тебя учить. Между двух досок тесто своё положи — и на дорогу. Раскатают в папирус.

— Это только ты у нас такой умный, — обиженно произносит мама и вдруг оживляется: — Ой, сынок, чего дед-то недавно учудил. Вроде во дворе всё топтался, а потом, смотрю — нету. Подождала-подождала и за калитку вышла. Стоит. На той стороне улицы. Высматривает. Увидел что-то вдали, засуетился. Железяку какую-то из кустов вытаскивает и на дорогу — бряк! А там машина идёт. Шофёр-то, наверно, видел — затормозил и железяку объехал. Дед ему вслед плюнул,

а конструкцию свою опять в кусты пристроил. Снова машина, и опять он под неё «бомбу» подкладывает. Ну дед! Прямо диверсант. Я стою, боюсь — его бить начнут...

— Да что ты хоть, мать, — отец откладывает кроссворд. — Лист оцинкованный распрямить надо было...

— Потом-то я поняла. И шофёр — наверно, только четвертый — тоже понял, что от него требуется. Аж два раза проехал, я видела. А первые трое сколько страху натерпелись?

— Да ладно... — вяло говорит отец. — Что-то засыпаю, пойду проветрюсь.

— Иди, иди. Не подорви никого, — ехидничает мама и уже вдогонку кричит: — Оденься потеплей!

Отец, нахлобучив шапку, но, несмотря на ноябрь, в довольно легкой куртке, опираясь на палку, уже выходит за калитку.

— Ох, уж этот дед... — беззлобно ворчит мама.

Отец любит прогуляться по родной Грузовой улице: ходит, смотрит, встретит кого-нибудь — поговорит, поможет. Его здесь все знают. Бывает, позвонит незнакомый мужик, спросит: «А Володя (это он отца) дома? Вы скажите ему, что Николай заходил. Я за грибами еду — если наберу, то и вам принесу». Видя мамино недоумение, добавит: «Он мне кастрюлю запаял. А ещё ведро починить надо». В таком вот духе.

Пора, однако, и мне. Я уже допиваю чай с яблочным пирогом, лезу в карман за папиросами.

Мама, скорей по привычке, не надеясь уже, говорит:

— Бросай, сынок, курить...

— Брошу, ма, — отводя глаза, вру я. — Обязательно.

Провожая меня до двери, мама заглядывает в глаза и спрашивает:

— Завтра придёшь? Я плов приготовлю.

Мама забыла, что завтра суббота — у меня выходной день, а значит, и обеденного перерыва не будет. Но она-то знает: не только вкусная еда влечёт меня в этот дом. Я тоже отсюда родом.

«МУСОРНЫЙ ДЕНЬ»

Что такое «мусорный день»? «Мусорный день» — это почти как праздник. Во всяком случае, так его ждут. А случается он раз в неделю — у нас это воскресенье. Именно в этот день по улице сверху вниз неторопливо, с длинными остановками, проезжает мусоровоз. Давно уже кем-то определены конкретные места, где грохочущая и дребезжащая маши-

на останавливается, водитель как бы нехотя выкарабкивается из кабины, с глубокомысленным видом манипулирует рычагами сбоку кузова, и огромная шарнирная рука ставит на землю мусорный контейнер. А народ уже давно собран, организован и сплочён. Впрочем, по порядку.

Мусоровоз проводит тотальную чистку улицы примерно с часу до трёх дня. Но ещё до полудня над нашей дверью визгливо кричит звонок — в калитку, боясь собаки, которой давно нет, просовывается соседка тётя Надя и торжественно вещает:

— Сегодня — мусор!

Об этом никто не забывал, но соседку всё равно благодарят за хорошую весть. Ещё полчаса спустя отец начинает собираться.

— Пойду, — говорит, — на пост.

Мама возмущается:

— Куда ты? Только половина первого. Тебе что, до поста полчаса идти, что ли?

Но это нужно понимать, этого события целую неделю ждала вся улица, на которой сегодня необычайнолюдно. Не удаляясь от своих калиток, прохаживаются разно одетые обыватели. Кое-кто уже вынес и поставил — пока на этой стороне улицы — пластиковые вёдра, оцинкованные выварки, полиэтиленовые пакеты с мусором. Каждый поочередно подходит к проезжей части и напряженно всматривается вдаль. Народ пока разогревается общением с непосредственными соседями.

Другой наш сосед, Борис, выходит, как всегда, в сопровождении собачонки — сегодня это чёрно-белая Муха, значит, Жучка была в прошлый раз. Борис озабоченно спрашивает:

— Будет сегодня, не знаешь?

Отец не знает, но говорит, что нужно надеяться. Они начинают лениво обсуждать различные бытовые проблемы. Муха, не очень-то обращая внимание на пристающего уличного кобеля, живо интересуется содержимым чужих мусорных ведерок.

Ближе к часу народ, прихватив свои ёмкости с мусором, начинает перемещаться на другую сторону улицы, к месту остановки мусоровоза.

Вот тут-то и разворачивается действие, ради которого, собственно, все и собрались, — живое общение по полной программе. Кумушки, в обычные дни не имеющие причин встретиться для обсуждения свежее испеченных новостей, собираются в небольшие группки и буквально рвут эти самые ново-

сти друг у друга изо рта. Хвастаются зятьями, прикупившими автомобили, шубы их дочкам, хрустальные люстры и кухонные комбайны. Проклинают зятьёв пьющих и нерадивых. Осуждают беспутную Нинку, заведшую «нового хахалю», и Верку-дуру, от которой сбежал «мужик-золото».

— Петрович, выпьешь? — это мужики уже расположились на крылечке одного из домов поблизости. Здесь беседы ведутся традиционно о «правильной политике президента», о том, что «шуку лучше брать в половодье, по мутной воде», о том, что «Спартак» вчера облажался не по-детски». По кругу ходит одинокий стакан, зато закуска припасена у каждого.

Притащилась, тяжело опираясь на клюку, древняя бабка из углового дома. В пластмассовом ведре погромыхивает коробка из-под кефира. Подошла к очередному вперёдсмотрящему, прошамкала беззубым ртом:

— Не видать, сынок?

Получив отрицательный ответ, поудобней упёрлась хилой грудью в свою клюшку и заснула этакой треногой.

Подтянулась и ребятня, которой нет дела до собственно мусора, но раз уж собрался народ, стало быть, будет весело. Гомонят, «салки» затеяли.

Настроение праздничное, сравнимое разве только с атмосферой майских демонстраций прошлых времён, когда люди вот так же выходили из домов утром и, прежде чем отправиться по своим организациям и построиться в колонны, кучковались на родной улице, выпивали, шутили — общались, словом.

— Едет!!! — сверху вниз прокатилось по улице.

На секунду, вздрогнув, приостановилась ребятня, подоברались и теснее сплотили ряды взрослые. Действительно, в конце улицы, круто уходящей вверх, к вокзалу, показался трудно ещё различимый, но безошибочно узнаваемый оранжевый мусоровоз.

Убедившись в неотвратимой близости апогея праздника, граждане возобновили разговоры, которые сделались более оживлёнными. Мальчишки с новой силой продолжили беготню и чуть не сшибли старушку, повисшую на клюке. Ведро с грохотом покатило по асфальту проезжей части, потеряв на ходу кефирную коробку.

— А ну, цыть! — неожиданно громко и грозно крикнула проснувшаяся бабка и, будто спохватившись, едва слышно проскрипела, неизвестно к кому обращаясь: — Не видать, сынок?

Ведро тут же вернули, сунув туда одинокую коробку.

— Видать, бабка, видать, — за всех ответил Николай из дома, что напротив нашего. — Уже на Индустриальном стоит.

Следующее после Индустриального переуллка место остановки мусоровоза — наше. Тут уже из калиток начинают выглядывать те, кто до сих пор отсиживался дома. Это которые или не в ладах с улицей, или молодые домохозяйки, коим с общественностью поделиться ещё нечем.

И вот мусоровоз скрипит тормозами и тяжело отдувается — прибыл! Контейнер установлен на землю и готов к заполнению. Но...

— Стоять! — громко командует водитель мусоровоза, закрывая грудью мусоровместилище.

Люди с уже занесёнными для броска вёдрами и пакетами удивленно замирают. Только старушка с клюкой, наверно, по причине глухоты деловито ковыляет к контейнеру и вываливает туда свою пресловутую картонку. Завершив ритуал, она не спешит уходить домой, а отходит в сторонку и снова повисает на клюке.

— Предупреждаю, — инквизиторским голосом заявляет водитель. — В следующий раз мусор буду принимать только по предъявлению квитанции. Небось, половина из вас не платит.

— Как не плотит?! Кто не плотит?! — возбуждённо шумит народ. — Все плотят!

Люди с мусором напирают, машут руками и брызжут слюной. Интересно, как это «в следующий раз» этот бюрократ собирается защитить контейнер от справедливо возмущённых обывателей, для которых жизненно важно расстаться с накопленными за неделю отходами? Наверно, и сам водитель задался этим вопросом, а может, вспомнил, что для народа он — всего лишь мусорщик, потому что обречённо махнул рукой и отправился в кабину выкурить очередную сигарету.

Началось! Воздух, отяжелевший с прибытием мусоровоза, загустел окончательно от мелькающих мусорных пакетов, криков «Посторонись!» и волнами распространяющегося от контейнера амбре. Кто-то в суматохе наступил на Муху. Её отчаянный визг послужил сигналом для начала следующего этапа мусоросдачи.

Нестройно захлопали калитки, из них рванули через трамвайные пути с вёдрами те, какие не общительные: и бегут-то неуклюже, как-то бочком, суетливо — не наши люди. Молодые хозяйки семенят, стесняясь домашних халатов, которые они одной, свободной, рукой пытаются запахивать на груди

и удерживать от распахания внизу. Получается плохо, дамочки краснеют и готовы провалиться сквозь землю вместе с вёдрами.

Трамвайное движение временно стало. Вагоновожатый понимает, что со стихией бороться глупо, и даже не пытается нажимать на кнопку звонка — привык. Минимум десять минут трамвай будет стоять, пережидая, пока людской поток, катящийся через рельсы в обоих направлениях, станет жиже.

Контейнер наполняется быстро, граждане сноровисто бегают за новыми партиями отходов, торопясь выбросить всё, что можно. Те, что поопытней, вышли семьями и за одну ходку вынесли, кажется, чуть ли не весь имеющийся у них скарб.

Издавек, сгибаясь под тяжестью полиэтиленового мешка, приплёлся дядя Роман — ему ближе на Индустриальный, но весь мусор сплавить там он не успел.

— Роман, по всей улице собирал? — шутит кто-то.

Водитель уже трижды дёргал рычаги, и шарнирная рука размашисто опрокидывала контейнер в чрево мусоровоза. Опыт подсказывает, что четвёртого раза не будет — впереди ещё почти пол-улицы. Суматоха постепенно гаснет.

— Больше не принимаю! — кричит водитель, вскакивая на подножку. — Учтите, в следующий раз...

Не закончив, он снова досадливо машет рукой, прыгает в кабину и зло рвёт машину с места.

Всё. А народ не расходится. Исчезает лишь суетливое возбуждение, на смену которому приходит благостное удовлетворение: большое дело сделали — надо бы sprysнуть по-настоящему. Что мужики и намерены осуществить, собираясь неподалёку, в тенёчке под липами. Потом кто-то принесёт низкий столик, достанут домино и будут, сдержанно матерясь, стучать костяшками уже дотемна. Женщины тоже не уходят, продолжая делиться впечатлениями о своей и чужой, да вообще — о жизни, в целом нелёгкой, но всё же дарующей редкие радости и оставляющей надежду на будущее, хотя бы в виде чумазных ребятишек, весело скачущих по уютным тротуарам родной улицы.

Заканчивается воскресный день. Заканчивается праздник, не быть которого просто не могло — ведь «все плотют».

ГУЛЯЯ ПО ТЕРРИТОРИИ ДЕТСТВА

Гуляя по территории детства, то и дело натыкаюсь на вешки, расставленные мною самим много лет назад. Они — как

узелки на ниточке памяти, соединяющей меня с той далёкой уже порой.

Вот груша. Каким чудом уцелела между наступающими клином девятиэтажками?

В моём детстве груша росла во дворе аккуратного домика, щеголявшего ярко-синими наливчиками. Огромные жёлтые плоды хозяин почему-то не снимал до глубокой осени, и уже по ноябрьскому морозцу мы с ребятами, идя из школы, сбивали их палками и жадно вонзались в студёную сочную мякоть, кривясь от зубной ломоты. Вкус, доложу я вам, был потрясающий даже со скидкой на мальчишескую неприхотливость.

Странное дело: пока дерево растёт в хозяйском дворе, оно развивается, исправно одаривает вкуснейшими плодами, не требуя особой о себе заботы; и стоит только лишить дерево забора, двора, хозяина, как оно стремительно начинает дичать и вырождаться. Так и на моей груше, сиротливо торчащей из асфальта, висят теперь мелкие, даже с виду невкусные плоды.

Здесь проходила грунтовая дорога, неширокая и корявая. Дорогу от дома — а наша девятиэтажка была тогда крайней в квартале — отделял шикарный яблоневоый сад. Посмотришь с балкона вниз: качается зелёное море. Сразу за дорогой начинался частный сектор — это уже океан с красными островами крыш летом и подвешенными на высоких прямых дымах печными трубами зимой.

С моего восьмого этажа дорога простреливалась насквозь — боеприпасами служили незрелые яблоки, которые мы с Володькой, неизменным дружкой детства, метали в ковыляющие по ухабам автомобили. Иногда попадали. Простите, автомобилисты тех лет, неразумных пацанов! Не ведали, что творили...

Теперь дорога сожрала половину сада и, гордо выпятив гладкое асфальтовое брюхо, явно желает именоваться проспектом.

А вон и мой балкон, тесно спелёнатый теперь жёсткими рамами, лишённый ощущения свободного полёта. Впрочем, давно уже не мой. Дома стоят на месте, а человек бежит по жизни от дома к дому, никогда не зная, какой станет последним.

Особой вехой на моём пути — школа. К ней подхожу с некоторой опаской. Школа нахохливается, насторожённо поблёскивает окнами, отодвигается, оберегая свои теперешние тайны — я для неё уже чужой, один из миллионов бывших её учеников.

С удивлением обнаруживаю, что не помню расположения школьных помещений, и пусти меня сейчас внутрь, беспомощно заблужусь в многочисленных коридорах и переходах, потянусь в просторных фойе.

Можно предположить, что за столько лет подвергся реконструкции и преподавательский состав. Ах, Татьяна Алексеевна, ваши уроки литературы не забудутся мной никогда! И никогда больше не встречал я учителей, так самозабвенно отдающихся преподаваемому предмету. Как вы завораживали класс! И что нам Татьяна Ларина — перед нами сгорала от любви к Онегину наша Татьяна!..

Где же вы теперь, Татьяна Алексеевна? Нашёл в телефонном справочнике Сидорову Т.А., но всё не решаюсь позвонить — может, другая. Да и помните ли вы угрюмого парнишку, умудрившегося в восьмом классе получить по литературе восемь двоек подряд? Вы вызывали его к доске, а он просто молчал, глядя в пол. Парнишка теперь взял, да и стал каким-никаким, а писателем. Он тогда был в вас влюблён, Татьяна Алексеевна. И, может быть, ещё позвонит и прочитает вам стихи.

Примечательно окно на втором этаже школы. Оттуда, из окна мальчишечьего туалета, будучи шестиклассниками, мы с Володькой совершили памятный прыжок в историю школы. Прыгали на снег, нисколько не заботясь, что может оказаться под ним. Какое это безрассудство, понимаю только теперь.

Прыгать готовились пятеро, успели — только двое. Славы прыжки принесли больше, чем ожидалось, поскольку летали мы, как оказалось, недалеко от окон директорского кабинета. Приземлившись первым, я благополучно проскочил обратно в школу. Но на перехват второго парашютиста уже неслись десятиклассники, направленные стремительной директорской рукой. Володька был схвачен, быть может, его даже пытали, потому как спустя полчаса приглашение «на ковёр» получила десантная группа в полном составе, включая тех, кто прыгнуть не успел.

Прецедентов случай не имел, и приказ о строгих выговорах, красовавшийся на школьной доске объявлений, только раздувал очаг нашей гордости.

Школьная спортплощадка — место постоянного обитания детворы прошлых лет. Вечерами с ранней весны и до поздней осени мы собирались на футбольном поле, сговариваясь, делились на команды и валтузили выдавший виды мяч до тех пор, пока его можно было различать в сгустившихся сумерках.

Играли самозабвенно: толкались, чем только можно, шлёпались в подкатах, протирая многострадальные штаны, лупили не только по мячу, но и по ногам соперников и партнёров. Обид, по большому счёту, не было — на волне азарта вспыхивали сумбурные потасовки и тут же гасли, не способные привести в отношения жестокость.

С наступлением морозов школьный физрук, хрипло покрикивая на старшеклассников, руководил установкой на футбольном поле хоккейной коробки и заливкой льда. Наступала пора зимних развлечений.

По выходным дням устраивались уже хоккейные баталии. А вечером в жёлтом свете мощного прожектора, тарашившего циклопий глаз с крыши школы, коробка превращалась в мирный каток: по кругу, строго против часовой стрелки, парочками катались девочки, в полном соответствии законам броуновского движения шныряли пацаны, у бортов барахтались малышня...

Ныне спортплощадка являет собой зрелище весьма унылое.

Времена, известно, меняются, но однажды они поменялись разом и кардинально. Можно находить сколько угодно причин теперешнего положения дел, и все они будут казаться объективными, но понятия «физкультура, спорт» и «дети» разведены, похоже, в разные стороны на расстояние едва ли теперь преодолимое.

Не видать детворы на спортплощадке. Хоккейную коробку перестали снимать на лето, и получился некий симбиоз хоккейного поля с футбольными воротами. Брошенный, не в силах бороться с незаметным, но неумолимым давлением времени, он, этот симбиоз, дошёл до состояния доисторического монстра: поведённые резкими зигзагами борта шерятся бесчисленными брешами и тяжело несут на себе яркие надписи содержания отнюдь не спортивного, футбольные ворота круто накренились, будто бы от сильного ветра.

И самое дивное: внутри хоккейно-футбольного уродца процветает и благоденствует высокая, по пояс, трава: лебеда, полынь и прочая, никем ныне не вытаптываемая.

Новый физрук, движимый одному ему понятными идеями, привёз на спортплощадку и вкопал в землю огромное количество автомобильных покрышек и даже самолично покрасил их в яркие — жёлтые, синие, красные — цвета. Что с ними делать дальше, физрук, видимо, забыл, а может, и он покинул малохлебные школьные коридоры в поисках лучшей доли. И растворился в сутолоке стремительно демократизирующегося общества.

Так или иначе, но теперь покрывки служат подрастающему поколению по-своему: в летнем бархате вечеров здесь частенько собираются группки молодых людей обоего пола, облачённых в мешковатые одежды, бодро выпивающих, дымящих странно пахнущими папиросками, и отчаянно сквернословащих. Их, как и собачников, в сумерках подтягивающихся к спортплощадке со своими питомцами, обхожу стороной — не потому, что уж очень боюсь, а в силу инстинктивного желания избежать конфликта.

Иду дальше. Школа смотрит мне в спину красными закатными окнами. Улицы, переулки несут те же названия, что и прежде. Изменился, порой до неузнаваемости, их внешний облик: старые улицы сбросили лоскутные обноски обветшавших домишек и облачились согласно моде в строгие костюмы современных многоэтажек.

Заветных проходов и пролазов, служивших когда-то путями детства, уже нет, но заблудиться не рискую — ноги сами ведут в нужные места, к расставленным давным-давно вехам.

С пониманием невозвратности, неповторимости прожитого в сердце поселяется тёплая боль.

Жизнь — локомотив, на всех парах летящий в неизвестном направлении.

В начале пути неизвестность представляется радостной, полной ярких и неожиданных событий. И приключения не заставляют себя ждать: они проносятся за незамутнённым ещё окошком пёстрой увлекательной чередой.

Когда половина пути позади (ах, как быстро!), понимаешь, что ведёшь состав совсем не ты, стоп-крана нет и в помине, а следом за твоим поездом с такой же скоростью движется направленная Бог знает кем бригада шабашников, споро разбирающих ещё не остывшие рельсы. Они срочно нужны для прокладки другого пути — кто-то уже купил билет и с нетерпением ждёт отправления своего ярко разукрашенного поезда.

А твой локомотив несётся всё быстрее, и пейзаж за окном теперь чаще унылый, не запоминающийся.

Возврата в прошлое нет. Но есть память, и ты тащишь в своей дорожной сумке каждый прожитый день. В сущности, ты, нынешний, состоишь из прожитых лет, дней, часов. Ты — твоя память.

Наступит день, когда, в последний раз громыхнув вагонами, твой поезд ткнётся в тупик. Тебя не станет, не станет и твоей памяти. Останется память о тебе, которую недолго, как случайно прихваченный в спешке лишний багаж, будут вез-

ти поезда, спешащие по параллельным веткам к своим тупикам, расположенным дальше твоего...

Гуляя по территории детства, даю волю мыслям течь свободно, куда им вздумается. И они текут, светлые и грустные, как дни в начале сентября, текут, плавно огибая жёсткие углы окружающей действительности, взмывая над сегодняшней, такой беспросветной, суетой.

Перед глазами проходят отчётливые, выпуклые картинки давно минувших детских лет. Юность всплывает туманными, размытыми образами, пугающими своей неопределенностью. О недалеком вчерашнем дне задумываюсь, уже ступив на территорию взрослой жизни, которая лежит в соседнем квартале: перешёл дорогу — и ничто не напоминает о детстве.

Уходит из сердца щемящая боль, наваливаются заботы, сам собой ускоряется шаг, и я уже спешу выполнять поставленные задачи, решать возникающие проблемы. Жизнь.

г. Орёл